

Глава 1

Никита смотрел в окно: огромные хлопья снега летали то вверх, то вбок, резко меняя направление. Хоть и ночь, на улице было светло от фонарей и окон — во многих уже горит иллюминация.

«Скоро Новый год... Вот бы встретить его с ребятами!»

Он повернул голову влево с какой-то надеждой. Ему хотелось, чтобы оставшиеся дни декабря пролетели быстрее. Никита уже договорился с родителями, что на все каникулы едет к бабушке, а значит — снова Глеб, Алена, тусовка и веселье!

— Никита, спишь?

Никита спрыгнул с подоконника и метнулся в кровать.

— Да-да, засыпаю.

— А что за стадо слонов бежит по комнате? — спросила мама из-за двери. Она никогда не заходила без стука.

— Ну ма-а-а-ам?

— Что «мам»? Можно войти?

— Да.

Мама тихонько приоткрыла дверь и заглянула, даже не заходя внутрь, — как будто заходить было нельзя. Она почти никогда не нарушала границы комнаты сына. Как-то, с момента их переезда в новую квартиру, когда Никита

учился еще в младшей школе, так повелось — и теперь стало законом. Надо сказать, что и Никита не нарушал границ родительской спальни, лишь изредка в выходной заглядывая к ним с папой поваляться вместе.

— Завтра вставать в школу, а ты все не спишь. Уже двенадцатый час...

— Ну мам, я просто смотрел в окно. Кстати, раз так поздно, может, я не пойду завтра в школу? Я все равно не высплюсь, буду уставший, а уставшим учиться нельзя — мозг не работает. Я переутомлюсь и заболею. Оно тебе надо?

— Ни мне, ни тебе не надо, так что давай-ка спи!

— Можно хотя бы на первый урок не пойду? Ну пожалуйста-а-а-а. — Никита улыбающимися глазами смотрел на маму из-под одеяла и делал притворно скорбное лицо.

— Никита, спать! — нарочито строго сказала мама, хотя уголки губ выдавали ее.

— Обними меня.

Мама присела на кровать, обняла сына, чмокнула в щеку и лоб и собралась подняться.

— Погладь мне руку, — мурлыкнул Никита.

Мама посмотрела на своего растущего сына и подумала, как быстро летит время. Ей нужно было идти работать, но она очень ценила те минуты, когда ребенок просил с ним побыть, погладить, обнять, — и всегда оставалась ненадолго, чтобы дать ему немного нежности, тепла и любви.

— Спокойной ночи.

Утром Никита, конечно же, не выспался. Он проснулся от будильника, еле продрал глаза. В комнате было по-утреннему зябко, он быстро встал; как всегда, оставил кровать

Не дам себя в обиду!

незаправленной, пошел умываться. Завтрак стоял на плите: папа с вечера всегда готовил что-то вкусное, чтобы Никита мог утром поесть и при этом не приходилось будить родителей. «Идеально, — подумал Никита. — Есть еда, меня никто не дергает. Обожаю!»

Он быстро перекусил, оделся, оставалось еще буквально десять минут до выхода из дома. Никита сел в кресло с телефоном: «Что там пишут?»

«Приходи на площадку, сегодня собираемся пораньше» — гласило сообщение от Елисея.

Никита недолго думая вскочил с кресла и пошел в коридор собираться. Видимо, ребята что-то придумали до школы.

Елисей ходил с Никитой в один класс, был хулиганом, слабовато учился и не очень из-за этого переживал. Ему сходили с рук разные проделки, и сам он был не промах ввязаться в какие-нибудь истории, порой не самые безопасные. Никита с Елисеем дружили, видимо, по принципу «противоположности сходятся». Было удобно — ведь они жили в одном доме на разных этажах — вместе ходить в школу и возвращаться домой, делать уроки. Девиз Елисея был «Зато весело» — так он и шел по жизни. А весело он устраивал сам себе или другим.

Мама вышла из комнаты:

- Ты чего так рано?
- Не рано.
- Раньше, чем обычно же.
- Ну да, просто с ребятами договорились.
- Хорошо, напиши из школы.

Никита бросился к двери.

— Никита, пока!

— Пока, мам.

Он бежал быстро: до урока оставалось всего десять минут, а он хотел успеть на площадку, чтобы узнать, что там за заварушка. На улице было морозно и темно. После вчерашнего снегопада все вокруг стало сказочно нетронутым: снег шел всю ночь, навалило сантиметров десять, если не больше. Фонари подсвечивали переливы снежинок. Все тренажеры и турники замело, кроме одного, который кто-то расчистил. Вокруг толпились ребята.

— Всем привет! Вы чего тут, занимаетесь, что ли? Пошли уже, пора в школу.

Парней было пятеро или шестеро, Никита не успел рассмотреть — его подхватил Елисей и сказал:

— Есть дело: тебе надо лизнуть столб.

— В смысле? — Никита не понял, что происходит, и с недоверием посмотрел на Елисея.

— Не спрашивай, просто сделай. Надо, просто доверься мне.

— Зачем? Я не хочу! Какой столб? Ты прикалываешься?

— Никит, какие приколы? Видно, что я шучу? Ну надо. Я поспорил — выручи. Мне нельзя, ты знаешь, я сразу заболел, конец года, там праздники впереди. А ты хоккеист. Наверняка и лед лизал, и похолоднее что-то...

— Елисей, ты чего, какая-то глупость.

Никиту так быстро и резко взяли в оборот, что он не успел даже обдумать предложение, как его уже подвели к столбу и поставили напротив железки.

Не дам себя в обиду!

— Ну, давай! Вперед! — слышалось вокруг.

— Ну все, они проиграли, — крикнул кто-то.

И тут в Никите проснулся азартный спортсмен. Он резко высунул язык и дотронулся до железки. Язык обожгло так сильно, что он дернул голову назад, оторвав язык от турника с мясом, сам того еще не понимая.

Все вокруг засмеялись. Он ничего не понял. Вообще не понял, что произошло. Он действительно подумал, что дотронуться до турника — это как облизнуть льдинку или съесть снег. Никита держал лицо, не подавая виду, что ему больно, плохо, хотя рот наполнился слюной со сладковатым привкусом. Будучи хоккеистом, который часто разбивает что-то в падениях и столкновениях, Никита хорошо знал этот вкус.

Он содрал язык до крови!

Теперь он понял, точнее сказать, у него включился мозг: ледяная железка и теплый мокрый язык. Неудивительно, что он моментально примерз, а Никита возьми да дерни — вот и получил. Хорошо хоть дернул сразу и не ждал, ведь язык мог и сильнее примерзнуть.

Язык саднил и щипал, моментально распух.

«Хорошенькое начало дня, — подумал Никита. — Один месяц до Нового года».

В течение дня Никита не мог нормально разговаривать, даже воду пить не мог, не то что есть. Обед прошел в муках. От всего, что попадало в рот, щипало так, что хотелось кричать и плакать. Кстати, плакать хотелось еще и от обиды. Никита за весь день так и не поговорил с Елисеем, который так жестоко его подставил.

Пришлось еще и выдержать тренировку: два часа хоккея, когда у тебя распухший язык, — удовольствие ниже

среднего. Жутко хотелось есть, но ничего, кроме воды, он не решался взять в рот.

После тренировки Никита пришел домой и сразу же проскользнул к себе в комнату.

Маму что-то насторожило: то ли скорость Никиты, то ли его смурной вид. Она пошла и постучала.

— Никита? У тебя все в порядке?

— Угу, — промычал сын.

«Вообще на него не похоже: “норм” или хотя бы “да” — вот его обычный ответ», — подумала мама.

— Никита, открой, пожалуйста.

Тон мамы был твердым, Никите ничего не оставалось, как повиноваться. Сначала он подумал, что может отказаться, как иногда делает, но тогда бы пришлось говорить развернуто, а у него распух язык, и он шепелявил.

— Никита, ты так резко прошмыгнул в комнату и отвечаешь односложно. Я начала переживать, все ли у тебя в порядке?

Никита кивнул, не надеясь, что это поможет. Но вдруг... Хотя мама обычно была очень проницательна.

— Так, выкладывай, чего там притаился? Язык от страха проглотил?

Никита начал смеяться: это была их общая шутка. Он открыл рот и высунул язык. Мама увидела красные раны, всплеснула руками и спросила с нотками отчаяния в голосе:

— Ты облизал железку на морозе?

Никита стоял и молчал. А потом кивнул.

— Ты облизал железку? Seriously? — Тут мама из расстроенной вдруг превратилась в веселую и рассмеялась: — Господи, серьезно? Ты облизал железку на морозе?

Не дам себя в обиду!

Никита попытался засмеяться вместе с мамой, но язык противно заныл, стоило коснуться нёба, поэтому вместо «да» получилось какое-то «га».

Мама смеялась еще больше.

— Ну ты и глупота, как так-то? Никогда бы не подумала, что ты, хоккеист, который со льдом и холодом дело имеет, и вдруг не знаешь, что столбы зимой нельзя облизывать? — Продолжая смеяться, мама потянулась обнять сына.

— Гу ма, — снова исковеркал звуки Никита, с охотой обнимая маму в ответ.

Мама обняла Никиту и подумала: «Вот и верь, что сын вырос, стал умнее, а он железяки на морозе облизывает».

А Никита подумал: «Блин, мне же в команде рассказывали, что этого делать нельзя. Я забыл. И чего я так повелся на Елисея?»

В маминых объятиях Никите не хотелось злиться, хотя где-то внутри обида и раздражение на Елисея все еще копошились.

«Неужели он не понимал, на что меня толкает? Сомневаюсь... но подумаю об этом завтра», — решил Никита и обнял маму покрепче.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Детские книги:

